

Г. АДАМОВИЧ

У самого моря

Если наших поэтов еще не разлюбили, то им уже, конечно, перестали верить. Слишком очевидно, что «испытания огнем» они не выдержали и что тон нововременских статей в поэзии не есть слияние с народом, но слабовольная и небескорыстная уступка его мнимым требованиям. Русская поэзия не погибнет, конечно, в наводнении злободневных стихов, лживых и глуповатых, но сейчас она в нем тонет.

Тем сильнее радость, которую принес последний номер «Аполлона». В журнале этом, несколько месяцев назад выпустившем целый фейерверк военных вдохновений, теперь помещена новая поэма Анны Ахматовой — «У самого моря».

Может быть, нет в России сейчас поэта, имя которого было бы окружено такой нежностью и сочувствием, как имя Ахматовой. Это — успех не случайный. У Ахматовой есть все данные стать «любимицей публики», и только глубокое и верное чутье спасает ее. Поэзии чисто эмоциональной всегда обеспечен широкий успех, а на этом пути Ахматова сейчас стоит впереди всех. М. Кузмин сравнил ее с александрийскими эстетами, которые представляли себе каждый день и каждый час предсмертным.

Это было еще в предисловии к «Вечеру», но, как подлинно обреченная, Ахматова и любит, и тоскует все безнадежнее и острее. Кто же поверит тому, что «я — очень спокойная»?

В этом отношении Ахматова действительно — современный лирик.

Есть сейчас целый ряд поэтов, которые, желая «уловить лик современности», первым условием достижения этой почтенной цели считают воспевание трамваев и (это уже — закон) аэропланов. Эти молодые люди напрасно думают, что их вдохновения оценят те, к кому они взывают: авиаторы, инженеры, те-

лефонные барышни, вагоновожатые. Авиаторам если и понравятся стихи, то уж, конечно, об увядших розах и разбитых грезах. А тем, кто, не отставая от инженеров и техников, идут в другом плане жизни, кто и видит, и знает, и помнит вещи более удивительные, чем аэропланы, — разве им надо вечно напоминать о «грохоте проспектов» и пулеметах?

Поэт блоко-лермонтовского стиля, Ахматова ничего не «описывает». Вспомнит иногда, какое было море, как улыбнулся мальчик, но все мимоходом, коротко и растерянно. Теперь уже ясно, что она совсем — не «вещелюб», ей и вещи, и вся земля дороги только как обстановка, как память. И неудивительно, что ее — и еще одного, Блока — совершенно не тронул эстетический экзотизм, создание поэтов «зрительного» типа, близких романскому духу. Нельзя представить себе Ахматову занимающейся писанием триолетов или газелл, и разве это все — не то же самое? Ахматова — мастер, покуда мастерство ее ей покорно, но служить ему она не хочет. Не будем себя обманывать. Ни Блок, ни Ахматова в словесности — не «путь» и не школа. Их нельзя «продолжать», не обворовывая и не подражая им. Последователь Брюсова, например, свободен, но нельзя быть «учеником Блока» и не говорить о вьюгах или нищей России. Воры-поклонники уже наполовину заслонили прекрасный облик поэта, — может быть, то же ждет и Ахматову?

«У самого моря» — торжество ее таланта. Сохранив прежний стиль, прежние слова, она доводит свой трепещущий лиризм до крайнего напряжения. Нельзя противиться очарованию этих строк:

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море...

Простая история о невернувшемся «царевиче» рассказана Ахматовой с такой тревогой, с такой любовью и мудростью, какие возможны только у поэтов, нашедших «свое». Ее не смущали рассуждения о том, что теперь «пора уже вернуться к фавеле», — она знает цену завязкам и развязкам, и не ее упрекать в недостатке примитивной изобретательности.

С тактом настоящего поэта она нашла тему простую и трагическую и всем «истинным» темам на земле родственную.

Самый стих Ахматовой, ранее страдавший несколько обманчивой певучестью, окреп и приобрел гибкую силу. Поэт будто захлебывается своим голосом, — и только «Мцыри» можно по верности мелодической линии и «дыханию» сравнить с новой поэмой. Знатоки стихосложения найдут вообще много интерес-

ного в ее ритмике, чрезвычайно органической и неразложимой, едва ли признанной самим поэтом. Менее, вероятно, будут они увлечены не всегда убедительными образами поэмы.

Читая «У самого моря», приходишь к слегка смущающему заключению: поэма, конечно, всем понравится. Это — странное и как будто опасное свойство таланта Ахматовой. Но нельзя ошибаться, — быстрое признание не всегда есть диплом на посредственность. Ведь существуют плоскости творчества, где нет и не может быть споров. Через сто лет «У самого моря» прочтут с тем же волнением, что и теперь. И разве какие-нибудь догадки и соображения могут заставить нас сомневаться в том, что Ахматова — большой и прекрасный поэт.

